

ЗУРКАНАЕВА Мадинат Магомедбасаровна

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НАРОДНЫХ ПРЕДАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ АВАРСКОЙ ПОЭЗИИ (НА ПРИМЕРЕ ПОЭМ ТУХАТ ЗУРГАЛОВОЙ И АЙШАТ МАЛАЧИЕВОЙ)

В статье на материале поэм современных аварских поэтесс Тухат Зургаловой и Айшат Малачиевой анализируется авторская интерпретация народных легенд, связанных с местными топонимами и отражающих культурное наследие аварского народа. Авторы объединяет мотив неразделенной любви лирических героев поэм, что и обуславливает трагичность их судьбы. Природную стихию Т. Зургалова противопоставляет несовместимой любви своих героев, А. Малачиева проводит параллель между миром фантазии и историческим фактом, сохранившимся в народном топониме.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/10-1/18.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. I. С. 78-81. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.351.0

Филологические науки

В статье на материале поэм современных аварских поэтесс Тубхат Зургаловой и Айшат Малачиевой анализируется авторская интерпретация народных легенд, связанных с местными топонимами и отражающих культурное наследие аварского народа. Авторы объединяет мотив неразделенной любви лирических героев поэм, что и обуславливает трагичность их судьбы. Природную стихию Т. Зургалова противопоставляет несовместимой любви своих героев, А. Малачиева проводит параллель между миром фантазии и историческим фактом, сохранившимся в народном топониме.

Ключевые слова и фразы: поэзия; поэма; образ; топоним; предание.

Зурканаева Мадинат Магомедбасаровна*Дагестанский государственный педагогический университет**zurkanaeva@mail.ru***ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НАРОДНЫХ ПРЕДАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ АВАРСКОЙ ПОЭЗИИ
(НА ПРИМЕРЕ ПОЭМ ТУБХАТ ЗУРГАЛОВОЙ И АЙШАТ МАЛАЧИЕВОЙ)©**

Цель данного исследования – анализ поэм современных аварских поэтов Тубхат Зургаловой и Айшат Малачиевой, чей творческий потенциал до сих пор не подвергался ни систематизации, ни подробному изучению.

Между тем, названные авторы выпустили несколько поэтических сборников, их произведения публикуются в республиканской газете «Истина» и литературных журналах «Дружба», «Истина», «Соколенок». В настоящее время готовится к изданию сборник стихов Т. Зургаловой для детей, в котором поэтесса сочетает художественное творчество и дидактический смысл произведений, предлагаемых ею маленькому читателю.

В творчестве современных аварских поэтов значительное место занимают поэмы, сюжеты которых навеяны или народными преданиями, легендами, или продиктованы жизненной ситуацией, или основаны на творческом вымысле автора. Их своеобразие основано на сочетании повествовательной характеристики действующих лиц, событий и их раскрытии через восприятия и оценку лирического героя, повествователя, играющего в поэме активную роль. Центральным мотивом поэм является, чаще всего, характерный лирической поэзии мотив неразделённой или трагической любви.

Поэма Тубхат Зургаловой «Макьил бах I арай» («Сонная невеста») навеяна преданием о скале на горе Гуниб. Булач Гаджиев, известный дагестанский историк, краевед, в книге «Встреча с Дагестаном» [1, с. 10-11] пишет: «За Гунибом к северу и северо-западу поднимаются гигантские скалы. Приглядитесь к их гребню. На фоне вечернего неба ясно виден профиль лежащей на спине девушки. Вот чохто – головной убор, надетый на широкий лоб, длинные ресницы прикрывают глаза, красивый подбородок, высокая грудь. Скалу называют —бйащей красавицей». Об этой скале рассказывают такую легенду.

Давным-давно жил хан. Была у него красавица дочь. Её полюбил сельский пастух. Девушка ответила ему взаимностью. Но о свадьбе и речи не могло быть. О чувствах молодых людей узнал хан. Рассердился. Вызвал к себе дочь и приказал: «Нойди на гору и думай всю ночь, а утром скажешь, не отказалась ли ты от своего желания». Ушла девушка, села на краешек скалы. Думать было ей не о чём. Она навсегда полюбила сельского пастуха и от своего счастья не откажется... Было холодно, внизу, в тесном ущелье, гудел ветер. Ханская дочь прилегла и заснула. Настало утро. Пришли на гору посланцы хана и видят: девушка в камень превратилась, стала частью скалы. Увидел это и её возлюбленный, пасший овец на Кегерских высотах. От горя и он окаменел.

Поэма начинается с небольшого лирического отступления, в котором поэтесса вводит читателя в тему. Говоря о том, что и она – «дочь сурового времени, что не дала счастья любви», автор сразу проводит параллель между своей жизнью и судьбой «навсегда уснувшей на скале красавицы». Так ей удаётся заинтриговать читателя.

Согласно преданию, в стародавние времена юной красавице из княжеского рода приснилась любовь. Непонятное доселе чувство охватило её, и она ночью, позабыв о чести, идёт на зов пастушеской свирели. Мелодия свирели, подобная той, что приснилась ей дома, убаюкала девушку, и она заснула прямо на скале.

*Лъалареб цо асараль
Асс кIочене гъабуна.
Инсул кIалгIабиги тун,
МагIарде гъей ахIана.
ХIайранаб цо накуяль
Каранда ракI сасана,
Кисаяли лъалареб
Гъельие асирлъана.
Анищаб макьиль гIадаб
ГIагараб бакъан лъана [2, с. 145-146]. /*

Непонятное чувство одно
 Заставило о гордости забыть.
 Покинув чертоги отца,
 В горы её потянуло.
 Дивная мелодия одна
 Успокоила сердце в груди,
 Подобные мелодии сна
 Звуки в ней она признала [Там же]

(здесь и далее дан подстрочный перевод Сулеймановой К. Г. – прим. автора – М. З.).

Поэма Т. Зургаловой «Макбил бахАрай» («Сонная невеста») состоит из семи частей, соединенных между собой образом юной красавицы, которая влюбилась в чудесную сказку ночного сна. Лирические отступления автора, удачно вклинившись в ткань повествования, дополняют сюжет и показывают отношение поэтессы к этой истории. Автор проводит параллель между своей жизнью и судьбой своей героини. Их объединяет оставшаяся несбыточной мечта о создании собственного очага, семьи, в чём поэтесса и видит предназначение женщины. Богатая палитра выразительных средств позволила автору изобразить правдивые картины жизни горской семьи, привыкшей к традиционным устоям и нравам.

Приемом ухода героини из родительского дома, её решением остаться навсегда на гребне скалы и уснуть вечным сном любви поэтесса выражает тихий протест юной красавицы против отсутствия права выбора спутника жизни. Такой прием характерен сказочной традиции народов мира. Историческая правда и творческий вымысел здесь идентичны: много горянок в старину предпочли вынужденную смерть жизни с нелюбимым мужем. В поэме нет явно выраженного трагического финала, автор смягчает его вечным сном окаменевшей красавицы. Но дочь для родителей и невеста для молодого, достойного на взгляд родителей, жениха потеряна навсегда. Виновных автор не ищет, читатель тоже не задаётся этим вопросом. Вопросы сняты сказочностью сюжета; чудесное превращение девушки в камень отвлекает читателя от трагичности судьбы красавицы.

К жанру поэмы-сказки обращается и современница Тубхат Зургаловой, аварская поэтесса Айшат Малачиева. Сюжет ее поэмы «Запутанная свадьба» («Бигъараб бертин») [3, с. 318-338] – это обработка местного топонима «Гьаргьадулеб гIус» («Шатающийся утес»). Как было сказано ранее, поэма Т. Зургаловой «Сонная невеста» также навеяна легендой о красавице, превратившейся в камень на вершине Гунибских гор.

Сюжет поэмы А. Малачиевой «Запутанная свадьба» («Бигъараб бертин») построен по традиционной сказочной схеме. Два соседа-хана воспитывают своих детей. У Калуя из Макки растет красавица-дочь, а у Мамуя из Коло – сын-богатырь. Родители сосватали молодых, и ожидается свадьба. Однако на пути героев возникает неожиданное препятствие: сын предводителя шайтанов Инзабер, также влюбленный в дочь хана, отправляет к девушке свою посланницу – сваху Кайзират, «известную сводницу влюбленных». Верная традициям горцев невеста отказывает новоявленному воздыхателю. Оскорбленный отказом красавицы, Инзабер похищает девушку во время ее путешествия в дом жениха, и доставляет фазтон с невестой прямо на вершину неприступного утеса с символическим названием – Шатающийся утес (Гьаргьадулеб гIус). Чудесному избавлению красавицы из плена способствуют животные, которых она холила и лелеяла. Золоторунные овечки и оленята дают ей шерсть, из которой она прядет нити, потом вяжет из нитей – веревку и плетет из нее лесенку. Затем спускается по лестнице с утеса и благополучно едет к своему жениху в Коло.

А. Малачиева сохраняет сказочную традицию, присущую всем народам мира. Ее сказка имеет счастливый конец, в отличие от сказки Т. Зургаловой. Это продиктовано желанием сохранить традиционную схему торжества добра над злом, воплощением которого является образ Инзабера. Создавая этот образ, автор стремится использовать стилистику хвалебных песен, присущую народной поэтике. Перечисляя достоинства Инзабера, Кайзират использует в речи точные эпитеты, характеризующие и чувства влюбленного, его черты характера, и внешние достоинства:

*БитIун гIужде вахарав
 Полилавги гьевила,
 Шунусго сон гурони
 Тубаравги гьечIила.
 Эсул бечельяльул
 Бицун хIалкIоларила,
 МагIарда гIигийила,
 Гурухъ гIалахгийила,
 Гургурал-хъазалила,
 ХъахIал гIанкIуялила.
 Гьесде цварав багъадур
 Шугъивго вихъичIила,
 Эсул гIадинал михъал
 Миккаль ратиларила [Там же, с. 319]... /
 Вырос молодец
 В самый раз,
 Пятьсот лишь
 Исполнилось лет.*

Не описать всех
 Богатств его,
 В горах – отары,
 В долине – сады,
 Индюки и гуси,
 Курочки белые.
 Такого богатыря
 В Шуги еще не было,
 Подобных его усам
 В Макке не найдешь [Там же]...

Создание образа героя сопровождается перечислением его достоинств. Для этого автор использует безглагольные конструкции, что и обуславливает монотонность интонации при ее чтении. Сказка рассчитана на маленького читателя, и цель перечисления предметов заключается в том, чтобы удерживать внимание маленького слушателя.

Народный стиль создания образа героя автор сохраняет и при описании жениха и невесты:

Маккайска Калуйил
Гъал халатай ясила.
Колойска Мамуйил
Михъ кьурарав васила.
Ясги ясицила гъей –
ЯсГанай меседила,
Йихъизе бегъиларей
Гъайбат йижун йигила.
Васги васицила гъев –
Тулакав лаченила,
Чиясул бер бахилав
Бахларчи гун вугила [Там же, с. 320-321]. /
 У Калуя из Макки
 Дочь с длинной косой.
 У Мамуя из Коло
 Сын с закрученными усами.
 Дочь ли та лишь, дочь ли –
 Золото, а не дочь.
 Чудо – глаз не оторвать –
 Неописуемой красоты.
 Сын ли тот лишь, сын ли –
 Могущественный сокол,
 На зависть всем людям
 Вырос богатырь [Там же].

Тубхат Зургалова повествует об истории любви дочери местного хана и бедного пастуха, чьи образы отразились в народном предании и навсегда остались в каменной статуе на горе Гуниб. А Айшат Малачиева рассказывает историю выдуманных человеческих взаимоотношений, основу для которых черпает в топониме «шатающийся утес». При этом каждый автор придерживается той лексики, которая характеризует героев в наиболее привлекательном для читателя виде.

Дочь хана должна строго придерживаться установленных в ее доме, в родном ауле адатов. Поэтому Т. Зургалова пытается дать подробное описание характерных для горца норм поведения молодой женщины: она должна быть кротка и послушна, ее громкий голос не должен слышать ни один мужчина, тем более, ее никто не должен видеть. Нарушение этих норм приводит к трагическому исходу – в этом заключается дидактический смысл поэмы. Поэтесса показывает нам образ в развитии: героиня во всем отвечала требованиям народной этики и морали. Разрушительной силой для нее становятся звуки пастушьей свирели и грезы сна. Важность мотива сна автор подчеркивает тем, что выносит его в название произведения.

А. Малачиева больше внимания уделяет характеру героев. Героиня ее сказки напоминает пушкинскую Татьяну Ларину: несмотря на то, что она – дочь хана, в ее руках «золотая иголка», «серебряное веретено»; знаком ей и ткацкий станок, на котором она ткёт ковер с дивными узорами. «В цветочных узорах вышита ею тюль» [2, с. 145-146]. Ее развлечение – «молочно-белые голуби», стадо ягнят, для которых «своими руками она рвет сочную траву», и даже оленята, которых она «кормит с рук». О ее красоте слава разнеслась в округе, рассказывают в каждом ауле, как и подобает сказочной героине.

Не уступает девушке в стати и умении и сын хана Мамуя: праздность не в его характере, «в летящую куропатку стрелой попадает», «на скачущем коне пускается в пляс», «в метании камня он всех побеждает», «борца равного ему по силе нет». Кроме того, он прославился своей ученостью – «нет книги, которую он не прочел», «набрал ума у мудрецов известных», «верен традициям предков» [3, с. 320-321].

Обе поэмы объединяют описание горных пейзажей, воссоздание красочной картины жизни и быта горцев, передача традиционных ритуалов свадебного торжества (сватовство, привод невесты в дом жениха, свадебный кортеж и т.д.). Отличается авторское выражение добра и зла. У Тубхат Зургаловой препятствием на пути влюбленных становятся сословные различия, у Айшат Малачиевой зло воплощено в образах сверхъестественных сил – шайтанов (чертей) и вредной старухи-свахи Кайзират.

С точки зрения норм народной морали и этики, девушка должна быть послушной отцу и выполнять его волю при выборе спутника жизни. Сонная невеста выступает против этой традиции, за что и наказана отцом: «Иди на гору и до утра подумай над своим поведением!», – грозно решает судьбу дочери хан. Такое решение обрекает на печаль и саму влюбленную красавицу, и ее родителей, и жениха. Однако противиться велению старшего в семье никто не смеет: подчиниться старшему обязаны все, даже если его решение кажется губительным и несправедливым.

Невеста в поэме А. Малачиевой остается верной народным идеалам красавицы, она не показывает своих истинных чувств к возлюбленному, и за это ждет ее награда: родители молодых готовы поженить их. Но препятствием на пути становится воплощение сил зла – шайтан, который, по народному поверью и религиозным нормам, всегда готов строить козни и разрушать счастливую жизнь.

За верность традициям невеста из поэмы А. Малачиевой вознаграждена спасением и счастливым браком, тогда как непослушная дочь хана из поэмы Т. Зургаловой обречена навеки быть воплощенной в камне. Она – словно памятник верности возлюбленному – осталась навеки в легенде, и в то же время, этот памятник – немое предупреждение юным красавицам: стоит ли повторять судьбу спящей невесты?

Анализ творчества аварских поэтесс позволил сделать ряд выводов:

1) жанр поэмы является одним из продуктивных жанров современной аварской поэзии, о чем свидетельствуют исследования дагестанских литературоведов, в частности, Ч. С. Юсуповой, З. З. Гаджиевой, А. Ю. Абдулатипова и других ученых ИЯЛИ ДНЦ РАН;

2) Тубхат Зургалова и Айшат Малачиева используют приемы устного творчества народа в качестве композиционной составляющей своих поэм-сказок. В ходе развития сюжета оба автора придерживаются народных традиций в изображении внешности, характеров героев. Сюжет обоих произведений основан на топониме, о котором в фольклоре аварцев бытуют предания;

3) авторы сохраняют стилистику жанра сказки, используют при этом троекратное повторение заданий для своих героев, привлекают в качестве помощников образы чудесных животных, которые приходят на помощь героиням и исполняют их желания. Это позволяет удерживать внимание маленького читателя;

4) в качестве дидактической основы при создании образов героев своих произведений авторы плодотворно используют традиционные нормы морально-этического воспитания. Такое изложение событий поэмы расширяет читательский круг поэм: они становятся интересными и старшему поколению читателей;

5) язык и стиль поэм сохраняет присущую аварцам поэтику и образность. Соблюдая требования фольклорного жанра сказки, для которой характерна победа добра над злом, авторы литературных сказок-поэм также изображают положительных героев произведений победителями, способными найти выход из сложной ситуации, в которой оказывается главная героиня – носительница идей добра и справедливости;

6) отношение народа к описываемым в поэмах событиям авторы выражают через лирические отступления. Они же становятся приемом сопоставления жизни автора с судьбой героев поэм.

Список литературы

1. **Гаджиев Б.** Встреча с Дагестаном. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1975. 72 с.
2. **Зургалова Т.** Ожерелье: стихи и поэмы. Махачкала: ГАУ «Дагестанское книжное издательство», 2013. 236 с.
3. **Малачиева А.** Полдень: сборник стихов. Махачкала, 2000. 350 с.
4. **Томберг О. В.** Лингвокультурологические аспекты исследования художественного образа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5. С. 183-186.

INTERPRETATION OF FOLK LEGENDS IN THE MODERN AVARIAN POETRY (BY THE EXAMPLE OF THE POEMS OF TUBKHAT ZURGALOVA AND AISHAT MALACHIEVA)

Zurkanaeva Madinat Magomedbasarovna
Dagestan State Pedagogical University
zurkanaeva@mail.ru

The article by the material of the poems of the modern Avarian poetesses Tubkhat Zurgalova and Aishat Malachieva analyzes the author's original interpretation of the folk legends associated with the local toponyms and representing the cultural heritage of the Avarian people. The authors are united by the motive of unrequited love of the personages which conditions the tragedy of their destiny. T. Zurgalova opposes the natural power to the incompatible love of her characters, A. Malachieva draws a parallel between the world of fantasy and historical fact preserved in the folk toponym.

Key words and phrases: poetry; poem; image; toponym; legend.